

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

ИЛЬЯ КОНОНОВ,

*доктор социологических наук, заведующий
кафедрой философии и социологии Луган-
ского национального педагогического уни-
верситета им. Т.Шевченко*

Галичина второй половины XIX века: образование, язык и национальная идентичность украинцев¹

*“Характер этой идентичности формировался в
столкновениях с польской культурой, а эффекты
борьбы вызывали поляризацию украинской среды”.*

Я.Мокляк [1, с. 218].

Книга польского историка, профессора Ягеллонского университета (Краков) Ярослава Мокляка “В борьбе за идентичность украинцев. Проблема языка преподавания в народных и средних школах в трудах Галицкого краевого сейма (1866–1892)” посвящена формированию украинской национальной идентичности в Галичине. Излишне доказывать, насколько эта проблема актуальна для современной Украины. Годы независимости заставили ученых нашей страны серьезно относиться к тому обстоятельству, что формирование идентичности украинцев имело региональную специфику. Разные механизмы формирования идентичности привели к тому, что сеть основополагающих категорий восприятия и осмысления социальной действительности несколько различается на Востоке и на Западе нашей страны. Так, на Востоке доминируют сугубо социальные категории, которые акцентируют внимание на собственности и власти, классовых делениях и социальных неравенствах. На Западе центром ментальной модели социального мира стали этнические категории. Это дает себя знать до нашего времени в том факте, что Восток и Запад создали разные общественные проекты формирования современной украинской нации. В первом случае — это модель согражданства, которая делает этничность частным делом гражданина, во

¹ Размышления над книгой: *Moklak J. W walce o tożsamość ukraińców. Zagadnienie języka wykładowego w szkołach ludowych i średnich w pracach galicyjskiego Sejmu Krajowego 1866–1892.* — Kraków, 2004. — 318 s. +1 mapa.

втором — этнонация, которая полагает в качестве базы всех общественных лояльностей этническую лояльность [2; 3]. Работа Я.Мокляка позволяет лучше понять, почему так случилось. Поэтому она заслуживает не обычной рецензии, а детального изложения основных положений и размышления над ними.

Для социологов это историческое исследование интересно тем, что внимание автора в нем сосредоточено на институте образования в его взаимодействии с другими общественными институтами, как на механизме формирования национальной идентичности. Формирование национальной идентичности рассматривается как процесс, связанный с формированием национализма. Хотя Я.Мокляк не ссылается на работы социологов, которые разрабатывали теорию этого процесса, однако собранный и обобщенный автором материал позволяет развить эти подходы. Имеются в виду, прежде всего, идеи американского исследователя Б.Андерсона, который создал концепцию нации как воображенного сообщества. Согласно этому подходу, нации конструируются элитными группами, а средствами этого конструирования выступают языковая политика, переписи населения, архивы, библиотеки и музеи [4, с. 89–104, 180–203]. С другой стороны, стоит также сослаться на вклад П.Бурдые, который показал значение образования в формировании общественных классификаций. Он писал: “Школа — место производства наиболее действенных принципов и одновременно самых легитимных классификаций — это царица классификаций и помещения в классы” [5, с. 60]. Классификации являются практиками, которые принимают участие в формировании общественного пространства и его ментальной карты.

Текст книги состоит из концептуального Введения, пяти глав и Итоговых замечаний. Кроме того, работа содержит ценные дополнения: тут помещены 22 обращения послов (депутатов) галицкого сейма, а также список его украинских послов от 1-го до 6-го созывов. Возле каждой фамилии представлены данные о социальном происхождении посла и принадлежности к тому или иному созыву. Как приложение также дается карта коронного края, созданная автором на основе большого числа источников. Она дает представление о пространственном распределении учебных заведений с учетом языковых характеристик населения тех или иных административных единиц.

В своей работе автор опирается на источниковедческую базу, которая, наверное, впервые осмысливается как системное единство. Это относится к фондам архивов в Варшаве, Кракове, Вроцлаве, Перемышле и Львове, к десяткам периодических изданий, а также к исследованиям на польском, украинском, русском, английском и немецком языках.

Во *Введении* автор так определяет проблемное поле своего исследования: “Темой книги является борьба за доступ к начальной и средней школе, которая велась украинскими послами краевого галицкого сейма и рассматривается как политическое явление, характерное для эпохи формирования национализмов. <...> Осью анализа является роль языка преподавания в школах в процессе формирования культурной идентичности русинов, которые находились на этапе превращения в современную национальность” [1, с. 3]. О глубине этих преобразований свидетельствует даже изменение самоназвания украинской общности Галичины на протяжении второй половины XIX века. Если в начале этого периода они называют себя русинами, а свою Родину Русью, то уже в начале XX века доминирующим становится самоназвание “украинцы”, которое четко соотносило жителей Галичины с целой Украиной [1, с. 22]. Эти изменения нельзя рассматривать только как результат конструирующих усилий украинских элитных групп. Позиция конструктивизма ощутимо упрощает действительность. Следует говорить о результате взаимного наложения большого числа общественных факторов, как организованных, так и стихийных. Главным при этом было формирование украинского национального движения, которое отделилось от польского национального движения, а впоследствии развивалось в постоянном соревновании с ним. Я.Мокляк пишет, что признаки дифференциации были заметными уже в период польского конспиративного движения 1830-х годов,

а во время революции 1848 г. можно было наблюдать истоки украинско-польского конфликта [1, с. 7–8].

Этот конфликт долгое время существовал именно как конфликт национальных движений, а не этносов в целом. Среди образованных украинцев Галичины в тот период достаточно распространенной была двойная идентификация *gente Rutheni natione Poloni* [1, с. 6]. Одновременная идентификация с украинским этносом и польской политической нацией открывала перед многими образованными галичанами путь к карьере. Деятели польского национального движения всячески способствовали сохранению и развитию такой самоидентификации среди русинов Галичины. Эти стремления были составным моментом так называемой ягеллинской идеологии, которая базировалась на идеализации Люблинской унии. Польша здесь наделялась высокой миссией распространения западной цивилизации на Восток [1, с. 5]. Я.Мокляк считает, что под влиянием “современной национальной идеи”, которая начала распространяться в Центрально-Восточной Европе на рубеже XVIII–XIX веков, среди русинов Галичины начало развиваться противодействие польской ассимиляции. Произошла реукраинизация даже некоторых шляхетских родов (Федоровичи, Шептицкие) [1, с. 7]. Конфликт, соревнование украинского и польского национальных движений — это главный элемент механизма формирования новой украинской идентичности в Галичине. Но это не весь механизм. Королевство Галичины и Лодомерии было частью империи Габсбургов, а следовательно, украинцы и поляки вынуждены были постоянно обращаться к Вене как к арбитру. Каждая из сторон стремилась влиять на центральное правительство и использовать его в своих интересах. Конфигурация взаимодействия усложнялась геополитической ситуацией. Поражения Австрии в войнах с Италией и Францией, а затем с Пруссией подтолкнули ее к превращению в конституционную монархию. Началась территориальная децентрализация власти. Краевые сеймы наделялись определенными функциями самоуправления. Историки рассматривают эти изменения как попытку “привлечения на сторону монархии польской, чешской и венгерской аристократии” [6, с. 353]. Я.Мокляк пришел к выводу, что общество в Галичине было достаточно чувствительным к внешним влияниям. Особенно значительным было влияние России. Автор даже пишет, что “украинский вопрос превратился в производный от русской угрозы” [1, с. 7]. Таким образом, развитие украинской общности в направлении модернизации, украинско-польское соперничество, внутренние противоречия в империи Габсбургов, влияния со стороны России, Пруссии, а позже объединенной Германии — все это в своем единстве и создало механизм формирования украинской идентичности в Галичине.

Глава I. Гарантии кириллицы. Историко-политический контекст развития украинского образования в Галичине на пороге автономии. После провозглашения австрийской конституцией 1848 года равенства всех народов империи между украинцами и поляками обострилась борьба за утверждение в крае в качестве публичных своих языков. Школьное дело начало рассматриваться как наилучший способ достижения этой цели. Венское министерство образования и вероисповеданий ввело украинский язык как обязательный предмет во всех гимназиях Восточной Галичины [1, с. 25–26]. Однако австрийское правительство постоянно колебалось, а введение демократических процедур в политическую жизнь края только обостряло борьбу между польским и украинским национальными движениями.

Автор специально рассматривает борьбу, которая развернулась вокруг письма императора и распоряжения министерства образования и вероисповеданий, которое предполагало, что преподавание в учебных заведениях должно осуществляться на приемлемом для населения языке, а немецкий язык становится только одним из обязательных предметов. Польские деятели продемонстрировали подлинную политическую виртуозность. Например, Е.Черкавский по заказу наместника графа А.Голуховского составил доклад, в котором отрицал украинский характер края. Е.Черкавский упрекал украинских интеллектуалов в том, что они развили язык, непонятный для простых людей. Кроме того, он утверждал, что в этих условиях украин-

низация образования будет содействовать усилению русских влияний в Галичине. Делался тот вывод, что единственным приемлемым для всех языком в Галичине является польский.

Следует отдать должное польским государственным и общественным деятелям. Немало из них понимали, что языковой вопрос невозможно решить, пользуясь исключительно запретами. Поэтому они действовали в направлении усиления среди русинов идентичности *gente Rutheni natione Poloni*. Теоретики этой идентичности не отрицали украинский язык, но стремились иерархически подчинить его польскому. С этой целью они считали необходимым оторвать литературный украинский язык от церковной литературной традиции. К этому призывал Агенор Голуховский. Я.Мокляк резонно комментирует эту позицию: “Язык, насыщенный исторической лексикой, приобретал ранг языка с традициями, а употребляемый как язык преподавания в школах, углублял среди молодежи различия в восприятии польской и русской культур. Более того, язык, который имел в своем распоряжении литературу более старую, чем польская, заставлял усомниться в тезисе о более низкой ступени своего развития” [1, с. 30]. В соревновании национальных движений проблема древности культурной традиции является очень существенной. Более давняя и более мощная культурная традиция предполагает и более высокий статус культуры. Для поляков в их отношениях с украинцами это представляло проблему. Самые давние польские документы были написаны на латинском языке. Первый большой памятник польской письменности — Свентокжизские проповеди — датируется второй половиной XIV века [7, с. 6].

А.Голуховский считал необходимым развивать литературный украинский язык на основе живого языка украинского села и разорвать его связь с церковной традицией. В польских кругах вызрело предложение ввести для украинского языка латинскую азбуку [1, с. 31]. Греко-католической церкви предлагалось перейти на григорианский календарь, ибо юлианский, дескать, отделял украинцев от поляков. Для украинского движения кириллица превратилась в символ собственной идентичности и оружие в польско-украинской конфронтации [1, с. 31]. Началась публичная полемика, в которой главную роль в защите кириллицы сыграл Б.Дидицкий, позже видный москвофил. В 1859 году была создана специальная языковая комиссия. Украинцам удалось отстоять кириллицу, но министерство образования и вероисповеданий обязало их вернуться к церковной кириллице и не употреблять русскую “гражданку” [1, с. 35].

Активная позиция греко-католической церкви в языковых войнах вызвала негативную реакцию польских деятелей. А.Голуховский называл иерархов этой церкви “партией сепаратистов”, обвиняя их в укрывательстве царских шпионов. Особую тревогу у него вызывала перспектива слияния интеллектуальной жизни русинов с интеллектуальной жизнью русских [1, с. 36].

Со второй половины 1860-х годов, когда в Галичине была создана польская автономия, польско-украинское противостояние начало фокусироваться в деятельности краевого сейма. Я.Мокляк подробно анализирует принципы его формирования, изменения в составе послов (депутатов) от созыва к созыву. Например, по его наблюдениям среди украинских послов возрастало число интеллектуалов, стабильно большим оставалось число священников и постепенно уменьшалось число крестьян [1, с. 43]. Последнее обстоятельство интересно тем, что согласно переписи 1880 года 90,16% русинов Галичины жили в селах и только 9,84% — в городах [1, с. 40].

Политический процесс в крае обуславливал дифференциацию национальных движений. Так, среди общественно активных украинцев Я.Мокляк выделяет три группы: 1) люди с двойственной идентичностью, для которых, однако, в общественной жизни определяющим было признание своей польскости; 2) старорусины (преимущественно москвофилы); 3) младорусины (народовцы) [1, с. 55]. Польское движение тоже со временем дифференцировалось. Для мамелюков (*mamelucy*) украинский вопрос был второстепенным. Зато круг краковских консерваторов (С.Тарновский,

Й.Шуйский, А.Потоцкий и др.) предлагал программу достижения взаимопонимания с украинцами, но на базе польских интересов. В 1870–1880 годах в этой среде существовало разделение на “станчиков” (stańczycy — шуты) и “подоляков” (podolacy)¹.

Особого внимания заслуживает создание в сейме Крестьянского клуба (Klub Włościański), в который вошли как польские, так и украинские послы. Эта группа занимала индифферентную позицию по отношению к национальному вопросу, ориентируясь на борьбу с социальной несправедливостью. Интересно, что польские послы из крестьян называли себя мазурскими. Термин “поляк” ассоциировался для них со шляхтой и панством. Из-за этого польский национализм до конца XIX века не мог превратиться в общенародный [1, с.42–43].

Глава II. Автономия для поляков. Украинский язык в законах и сеймовых предложениях, 1866–1871. Достижением польского национального движения в этот период было создание автономной от Вены польской системы образования. Польским деятелям удалось решить ряд сложных задач: создать в 1866 году специальную институцию — Краевой школьный совет (КШС), обеспечить переход от немецкого языка преподавания в учебных заведениях к польскому посредством принятия закона о языках преподавания в народных и средних школах (1867), создать систему учительских семинарий (препаранд) (1871). Для достижения своей цели польские послы в сейме действовали разными методами: от организации давления на украинских послов до поиска компромисса с ними.

Польские политические деятели этого периода продемонстрировали поразительное политическое мастерство. Они переиграли украинских деятелей, которые пытались защитить украинские интересы посредством апелляций к венскому правительству [1, с. 76]. Они аргументировали, скажем, нецелесообразность создания отдельных украинских учительских семинарий благородным желанием не допустить появления среди украинской молодежи ненависти к “другому братскому племени” [1, с. 79]. Поэтому, по их мнению, семинарии должны быть общими для обоих народов. На этот аргумент в украинско-польских спорах следует обратить особое внимание. Польские послы в сейме постоянно стремились поставить знак равенства между понятиями “народ” и “край”. Например, станиславовский посол Земялковский говорил, что в сейме нет послов польских или русских, а только краевые. Поскольку он представляет Станиславов, то тоже является русским послом [1, с. 61]. Украинские послы в сейме и украинская пресса оценивали эти аргументы как ширму, которая должна была прикрыть реальную полонизацию.

Я.Мокляк стремится к объективному отношению к обеим сторонам конфликта. Так, он пишет, что “напряжение в польско-украинские отношения добавляла бескомпромиссная позиция русских народовцев” [1, с. 70]. Вместе с тем он верно отмечает, что “главным фактором, который склонял к москвофильству, были поражения, которые русины потерпели в сейме в стычках с польским большинством” [1, с. 62]. Результатом этих поражений стал и раскол в украинской среде, который обусловил появление рядом с москвофилами соглашателей (угодовцев).

Политику, направленную на достижение согласия с поляками, начал Юлиан Лавровский своим предложением 1869 года. Для достижения цели значительного расширения употребления украинского языка в образовании он отказался от требования разделения Галичины на Восточную и Западную, которое было принципиальным в украинском движении с 1848 года. Лавровский соглашался признать единство края при условии признания самостоятельности украинцев относительно поляков [1, с. 85]. Он декларировал принцип: в западной части края все должно быть по-польски, а в восточной — по-польски и по-украински [1, с. 89].

¹ Выражаю искреннюю признательность доценту Прикарпатского национального университета им. В.Стефаника С.Адамовичу за консультирование по проблемам польских интеллектуальных движений этого периода.

Часть украинской прессы уже в тот период обвиняла Ю.Лавровского в национальной измене. Его действия пытались объяснить тем, что он был женат на польке. Я.Мокляк с позиций сегодняшнего дня пишет, что Ю.Лавровский “провозгласил реальную программу, которая опиралась на убеждение в необходимости уважать права поляков, которые там жили” [1, с. 89].

Интересной была реакция на предложения Ю.Лавровского с польской стороны. Такие польские деятели, как Л.Скжиньский, А.Сапега, М.Зибликевич, Л.Водзицкий, Ф.Смолка и Е.Сангушко, которые до 1869 года в своем большинстве выступали в сейме против требований украинцев, высказались за признание “русской народности”. Ф.Смолка предложил щедро профинансировать театр “Руська бесіда”. Традиционную польско-украинскую идентичность в сейме декларировал Голеевский. Я.Мокляк по этому поводу пишет: “Эта концепция оставалась выражением ожиданий людей, которые не могли иначе решить проблему собственной национальной идентификации и строили ее с убеждением, что оторванная от Польши Русь может объединиться с Россией” [1, с. 89]. Срыв украинско-польского соглашения, который произошел прежде всего, благодаря неприязни к нему значительной части краевой администрации, сделал очерченную концепцию актуальной на последующие 20 лет.

Глава III. В борьбе за национальную школу. В 70-е годы XIX века украинским деятелям Галичины пришлось искать убедительные аргументы в пользу строительства национальной системы образования. В этот период они столкнулись с парадоксами демократии. Выбор языка преподавания по закону был отнесен к компетенции гмин (общин). Но общины испытывали разнообразное давление. И если в 1866 году количество народных школ в римо-католических епархиях составляло 757, а в греко-католических — соответственно, 1199, то в начале 1870-х годов в 720 украинских школах было внедрено польско-украинское двуязычие (утраквизм) [1, с. 101–106]. Фиксировались случаи злоупотребления властью со стороны школьных советов, которые принимали решения вопреки воле гмин.

Все эти годы продолжалась “статистическая война”, в ходе которой обе стороны использовали одни и те же статистические данные для обоснования противоположных устремлений. Статистический аргумент первым использовали украинские послы.

Потом в аргументации украинской стороны появятся еще три аргумента в пользу развития собственной образовательной системы. Их можно назвать налоговым, историческим и педагогическим. Первый из них состоял в том, что русины платят налоги, а следовательно, имеют право на собственные школы. По отношению к украинцам Львова его применил посол Ковальский [1, с. 110]. Второй из названных аргументов приобрел особое значение и применялся не только в сфере образовательных притязаний. Он состоял в обосновании исторически украинского характера края. Украинская идентичность благодаря ориентации на средневековую Русь приобретала временную глубину. Правда, Я.Мокляк исторический аргумент в борьбе за идентичность рассматривает несколько скептически: “Драма украинских послов состояла в том, что они пытались воссоздать исторический образ региона, который дошел до значительной степени полонизации и возвращение к национальным отношениям Львова или Ярославля времен Данила Романовича в XIX веке не было возможным” [1, с. 102]. Но именно исторический аргумент формировал чувство единства всех украинцев. Об этом свидетельствует даже попытка украинцев Львова назвать украинскую школу именем Т.Шевченко. Эта попытка была отклонена польскими деятелями львовского самоуправления, которые ссылались на то, что поэт был схизматиком. Школу назвали именем М.Пашкевича [1, с. 122]. Но неудачная попытка засвидетельствовала возникновение “киевоцентрической” ориентации среди галицких украинцев. Педагогический аргумент, который широко использовал М.Антоневич, состоял в том, что в народной школе учащиеся прежде всего должны получить знания об окружающем мире. Этой цели лучше всего можно достичь,

когда обучение осуществляется на родном языке учеников. Если же используется чужой язык, то именно он становится главным предметом изучения [1, с. 115]. Эти утверждения соответствовали наиболее передовым идеям педагогики того времени. Например, их развивал К.Ушинский.

Все аргументы, найденные деятелями украинского движения, выглядят убедительно. И хотя среди польских деятелей всегда были симпатички украинского дела, основная масса польских администраторов успешно тормозила становление отдельной украинской системы образования в Галичине. Об этом свидетельствует хотя бы то, что в 1886/87 учебном году во Львове было 24 школы с польским языком обучения и только 2 — с украинским [1, с. 123].

Глава IV. Украинские предложения новеллизации закона о языках преподавания в народных и средних школах от 22 июня 1867 года. Основной материал этой главы относится к предложению украинского посла Юлиана Романчука от 2 октября 1884 года, которое было направлено на существенный пересмотр закона, регламентировавшего использование языков в школах края. Ю.Романчук предлагал законодательно обеспечить возможность выбора языка обучения в городских школах со стороны родителей или родственников учеников. Такая возможность должна была обеспечиваться в городах в том случае, если вторая народность составляла примерно четверть от всего населения. Если в городах проживало более 12 тыс. жителей, то хотя бы 3 тыс. должны были принадлежать к иной народности. Кроме этого, украинский посол предлагал широкую программу открытия параллельных классов с украинским языком преподавания в польских школах. Я.Мокляк детально описывает борьбу вокруг этих предложений, которые так и не были внедрены в практику школьной жизни.

Особое внимание среди выступлений противников позиции Ю.Романчука привлекает концептуальная речь в сейме молодого польского помещика Войцеха Джедушицкого. Главной темой в ней стала проблема нетерпимости, точнее предупреждение против ее распространения в обществе. Он утверждал, что реализация предложений Ю.Романчука приведет к тому, что жители одного города не смогут достигнуть взаимопонимания между собой. Прошлое и будущее были бы насильственно разделены, а современность исчезла бы в бездне раздоров [1, с. 156]. В.Джедушицкий отстаивал единство народа Галичины и предлагал, чтобы во всех средних школах края изучали как польский, так и украинский языки.

Это выступление свидетельствует о действенности и в этот период ягеллонской идеологии. Ее сторонники продолжали исходить из традиций политической общности Польши, Литвы и Руси, что сложилась во времена Речи Посполитой. Они ожидали нормализации польско-украинских отношений на почве “польской исторической идентичности” [1, с. 157]. Однако ведущие деятели украинского движения не поддерживали этих ожиданий. Так, посол сейма М.Антоневич попросил оставить украинцев в покое: “Не вмешивайтесь в наши домашние дела. Не опекайте нас — дела нашего языка, церкви и обряда решим без вас” [1, с. 159]. Я.Мокляк делает вывод: “Обе стороны реализовывали различные политические цели. Поляки придерживались буквы закона 1867 года, ибо он предоставлял польскому языку преимущества, а русины боролись за его новеллизацию, которая должна была открыть широкий доступ к обучению в школе” [1, с. 178].

Глава V. Соглашение и тактика соглашения. Распространение концепции украинской национальной школы в Восточной Галичине, 1886–1892. Центральной темой этой главы является срыв в развитии украинского национального движения, которым закончился этап совместной борьбы старорусинов и младорусинов за украинское школьное дело. Этот срыв стал результатом польско-украинского соглашения в краевом сейме. Геополитический фон для этого соглашения был подготовлен инспирацией О. фон Бисмарка, предусматривающей рассмотрение в немецкой прессе украинского вопроса как международного. Украинское движение в этом контексте стремились использовать как средство давления на Россию. Вена боялась войны с Россией и поэтому предложила тогдашнему наместнику Галичины Каземиру Баде-

ни достичь украинско-польского соглашения относительно урегулирования основных разногласий. Власти ожидали от украинцев декларации лояльности, и не только политической, а общей лояльности к западной культуре. Субъектом соглашения с украинской стороны были избраны младорусины, а условием соглашения был их разрыв со старорусинами. Соглашение формировалось в процессе тайных переговоров. Так были определены основные требования младорусинов [1, с. 207]. Все это стало неожиданностью для москвофилов. Возникла острая конфронтация в украинском движении. Москвофилы начали оказывать сопротивление даже тем инициативам народовцев, за которые ранее выступали сами. Например, когда в результате компромисса с поляками украинцам удалось провести решение об открытии в Коломые украинской гимназии, то москвофилы этого города, которые группировались вокруг Владимира Дудикевича, агитировали население, чтобы не отдавали туда своих детей [1, с. 212]. Выдающиеся представители москвофильства Антонович и Дидицкий начали писать и говорить по-русски [1, с. 214].

В целом же в этот период наблюдается общая заангажированность украинской провинциальной интеллигенции Галичины в национальном движении [1, с. 195]. Украинская пресса все чаще освещала дела образования с националистических позиций [1, с. 180]. Украинские послы преимущественно с этих же позиций подходили к проблеме отношений нации и края. Ю.Романчук говорил: “Чувство раздельности должно побеждать до тех пор, пока национальная обособленность будет под угрозой. Однако, когда народ обеспечит свое право, тогда без боязни возьмется за устройство общих краевых дел, общих для обоих народов” [1, с. 183].

В *Итоговых замечаниях* Я.Мокляк подводит итоги своей работы. По его мнению, украинское национальное движение дало негативный ответ на предложение польской стороны принять участие в восстановлении Речи Посполитой уже “трех народов” (Rzeczpospolita Trojga Narodów). Это предложение было сделано польскими деятелями во время символической акции по восстановлению Речи Посполитой 10 октября 1861 года в полях под Городлем [1, с. 221].

Отказ украинцев был обусловлен тем, что украинское и польское движения стремились к разным целям. Я.Мокляк пишет: “В польской политической среде доминировала концепция многокультурности в рамках более широко осмысленного понятия *этнической общности*” [1, с. 221]. В рамках этой концепции польские деятели привыкли смотреть на школу как на институцию, обуславливающую добровольный выбор польского языка непольским населением Галичины. Столетиями именно польский язык обеспечивал в этом крае вертикальную социальную мобильность. Украинское школьное строительство вело к разрыву этого единства. Даже общие исторические события приобрили для украинцев и поляков разный, порой противоположный смысл [1, с. 222]. Поляки эти ментальные сдвиги осмысливали через концепт “ненависти”, а украинцы — через концепт “несправедливости” [1, с. 223]. При такой логике развития событий соперничество двух национальных движений не могло завершиться компромиссом. Борьба за национальную школу стала моментом генезиса военного украинско-польского конфликта 1918–1919 годов.

В своем изложении я смог отразить лишь некоторые аспекты содержательной работы Я.Мокляка. Польский исследователь поднял завесу забвения над сценой общественного театра прошлого. Мы уже не узнаем с первого взгляда многих действующих лиц. Однако именно между ними когда-то завязались отношения, которые до нынешнего времени приходится принимать во внимание их далеким потомкам. Мы далеко не сразу понимаем и содержание пьесы, которую играют эти актеры. Она так и не была завершена собственным эпилогом. В ее ход вмешались могущественные драматурги во время Второй мировой войны. И с того времени в галицком театре идет уже совсем иная пьеса. Могло ли быть иначе? Книга Я.Мокляка позволяет поставить такой вопрос, но не дает на него ответа.

Я.Мокляк сосредоточился на польско-украинских отношениях, принимая при этом во внимание сложную конфигурацию геополитических влияний. Но он почти

не затронул участие в этих отношениях других этнических групп — евреев и немцев. Между тем, по данным переписи 1900 года в Восточной Галичине из 4 116 848 жителей украинцы составляли 65%, поляки — 20,7%, евреи — 13,1%, немцы — 1,1%, другие — 0,1% [8, с. 40–41]. И польское, и украинское национальное движение стремились перетянуть евреев на свою сторону. Но среди еврейского населения формировалось совсем иное видение собственной перспективы. Это стало одной из предпосылок трагедии евреев Галичины. Жаль, что автор монографии обошел этот сюжет, как и сюжет, связанный с немецким населением.

Рассматривая становление национального института украинского образования в Галичине, Я. Мокляк сосредоточивается только на его связях с политическими институтами. Только мимоходом затрагиваются различные аспекты его взаимодействия с прессой и общественными организациями.

Жаль, что автор монографии не дал историко-психологических портретов деятелей украинского и польского движений. Только Ю. Романчуку повезло несколько больше, чем другим. Он представлен не просто как абстрактный посол краевого сейма, а и как интересная личность. Думаю, что и другие ведущие деятели того времени заслуживают этого. Только в таком случае давняя политическая сцена Галичины засияет перед современным читателем всеми красками, а поступки актеров станут более понятными. Возможно, автор учтет эти замечания при подготовке второго издания своей работы. Особенно же полезно это сделать при подготовке украинского перевода монографии.

Содержательная книга Я. Мокляка дает серьезный материал для социологических обобщений. Во-первых, она позволяет развить теорию модернизации для случая национально смешанных периферий капиталистического мира. С конца XVIII столетия в Европе наиболее соответствующей формой для разворачивания процессов модернизации стало национальное государство. В империях Габсбургов и Романовых под влиянием модернизационных процессов начинают развиваться национальные движения, которые стремятся к превращению соответствующих этносов в политические нации. Формируются национализмы как идеологии этих движений, стержнем которых становится идея национальной независимости. Однако модернизационные дискурсы в Австро-Венгрии и России значительно различались. В первой из них совершалась эволюция к превращению в конституционную монархию со значительной территориальной децентрализацией. Последнее обстоятельство обуславливало тот факт, что национальные движения локализовались в определенных краях и апеллировали к центральной власти лишь в тех случаях, когда те или иные вопросы невозможно было решить на месте. Центр, соответственно, не имел возможностей для полного контроля или подавления этих движений. Модернизационный дискурс в каждом коронном крае приобретал свою специфику. Каждое из национальных движений конструировало/реконструировало свою историческую память. Однако память народа, который издавна обитал на одной территории с другими народами, часто оказывалась конфронтационно ориентированной относительно памяти других народов. Герои одного народа могли представлять в исторической памяти другого народа как враги или предатели. Особенно наглядно это как раз и демонстрирует случай Галичины.

Может показаться удивительным, что в случае догоняющей модернизации в подпериферийных или периферийных частях Европы на первый план выходят проблемы исторической памяти и образования, а не, скажем, проблемы научного творчества и промышленного использования его результатов. Однако для успеха модернизации главным становится создание адекватной для нее политической формы. Именно о ней и ведутся дискуссии. Историческая память становится средством мобилизации той или иной этнической группы с целью превращения ее в новую политическую общность. При этом важно не только упорядочить историческую память, что является задачей национальных интеллектуалов. Необходимо еще сделать ее действенным фактором общественной жизни, обеспечив ее участие в первичной и вторич-

ной социализации населения. Это и достигается за счет образования и СМИ. Следовательно, национальные движения должны стремиться к их институционализации. А эту задачу невозможно решить без повышения статуса национального языка, который превращается в сакральный центр всей культуры. Именно поэтому в центре модернизационного дискурса негосударственных народов оказываются такие темы, как язык, история, собственная образовательная система. Демократические же процедуры, способствуя институционализации национальных движений, направляют общественный дискурс именно в это русло. Интересно, что демократические процедуры, особенно пространственная децентрализация, при таком развитии событий делают более значимыми именно локальные конфликты, переводя значительную часть конфликтного потенциала общества в горизонтальное измерение. При этом парламентская демократия сама по себе не разрешает национальные конфликты. Более того, как свидетельствует опыт Галичины, она может их усиливать. Все зависит от внутренней организации конфликтующих этнических общностей.

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос, был ли конфликт польского и украинского национальных движений межэтническим конфликтом. На этот вопрос в целом, наверное, надо дать отрицательный ответ. Взаимные негативные стереотипы у украинцев и поляков вызрели только в XX веке, когда польский и украинский национализмы стали массовыми явлениями. Негативные стереотипы формировались в таких событиях, как украинско-польская война 1918–1919 годов, пацификация, волынская трагедия и операция “Висла”. Историческая память имеет свойство проецировать современные чувства на всю глубину исторического прошлого.

Сейчас о необходимости разрушения стереотипа “поляка-оккупанта” убедительно пишет Н.Яковенко [9]. Соглашаясь с общей гуманной интенцией этих призывов, считаю, что для достижения цели необходимо детально разобраться в причинах возникновения украинско-польского этнического конфликта в XX веке. В XIX веке конфликты между национальными движениями не имели такого характера, но именно тогда возникла логика взаимодействия, которая и привела к соответствующему результату. Эту логику хорошо выразил украинский историк Польши Л.Запскильняк: “В центре польского видения прошлого/будущего стояла “политическая нация”, которая сформировалась в рамках Речи Посполитой и восстановление которой считалось заданием восстановления “исторической справедливости”. Украинская версия истории, которая формировалась в XIX в. в условиях отсутствия предыдущей традиции “модерной нации”, стремилась опереться на соответственно приспособленную модель “этнической нации”. Оба видения базировались на мифологизированных картинах препарированного прошлого, которое должно было легитимизировать будущее” [10, с. 98]. К этому следует добавить, что польское и украинское движения отличались по социальному составу. Украинское движение в Галичине изначально ориентировалось на представительство интересов широких народных масс своего этноса. Его главными деятелями были греко-католические священники, люди свободных профессий, образованные крестьяне. Оно проигрывало польскому движению по количеству интеллектуалов, но с самого начала было тесно связано с этнической почвой. Польское движение с самого начала было движением верхних слоев общества. Относительно реалий XVII столетия Н.Яковенко писала, что в то время “поляк” был не этнонимом, а политонимом [9, с. 373]. В определенной мере это замечание сохраняет свою силу и для реалий середины XIX века. Но постепенно польское движение тоже наполняется этническим содержанием и в начале XX века в Польше уже существовал современный национализм, который объединял верхи и низы общества в одно политическое целое. Именно благодаря такой логике развития и взаимодействия украинского и польского национальных движений в Галичине и Польше центр сети социальных категорий заняли этнические категории.

Во-первых, в Российской империи модернизационный дискурс разворачивался как дискурс социального освобождения. В данном случае главный конфликтный потенциал общества концентрировался в вертикальном измерении. Это означает,

что и разрешение национального вопроса подчинялось решению проблемы социально-политического устройства. Поэтому в Восточной и Центральной Украине до XIX века не наблюдалась борьба между национальными движениями за влияние на университеты. Скорее университеты здесь превратились в центры освободительной борьбы. И в этих условиях не было удивительным, что этнический великоросс профессор Харьковского университета И.Срезневский выступил в защиту украинского языка, надеясь, что со временем Россия станет родиной для всех народов [11, с. 53]. Для студенческой молодежи Украины наряду с Т.Шевченко духовными авторитетами были А.Мицкевич, Н.Чернышевский, Н.Добролюбов и А.Герцен [11, с. 77]. Дифференциация освободительного движения началась после крестьянской реформы. Это касается как деления на либералов и радикальных революционеров, так и расслоения освободительного движения по национальному признаку. Однако до 1917 года главными задачами для всех, кто жаждал в Российской империи свободы, было достижение политического и социального освобождения. Это обстоятельство и обусловило иную структуризацию сети категорий видения социального мира.

Во-вторых, национальные движения, как, наверное, и любые другие общественные движения вообще, представляют собой процессы становления и реализации определенных социальных проектов. О последних можно сказать словами Г.Маркузе: “Теоретический разум, оставаясь чистым и нейтральным, пошел в услужение к практическому разуму, и объединение оказалось плодотворным для обоих” [12, с. 208]. В этом смысле, к анализу национальных движений можно применить институциональный подход. С этой точки зрения, специфика национальных движений состоит в том, что они являются творцами новой институциональной матрицы общества. Определенные институты нового общества возникают до формирования его как целостности. И польское, и украинское школьное дело формировалось в условиях австро-венгерского политического организма, но были предпосылками формирования новых институциональных систем.

В-третьих, разные национальные движения могут стимулировать разные формы общественного пространственного морфогенеза. Так, в Галичине второй половины XIX столетия украинское движение предполагало отделение Восточной Галичины от польской части края. Польское движение, наоборот, всячески отстаивало его целостность. Единство территории Восточной Галичины для украинских деятелей было результатом этнического фактора, ведь они ориентировались на территориальное единство жизни украинских народных масс. Поиск исторических аргументов формировал у галицких украинских интеллектуалов общественный проект, несовместимый с сохранением территориальных границ Речи Посполитой. Эти поиски предполагали несколько пространственных инверсий. После Люблинской унии украинские властимущие доказывали свое равенство с польской шляхтой при помощи легенды о братьях Лехе и Руссе как легендарных основоположниках Польши и Руси. С ориентацией на эту легенду создавались генеалогии древнейших княжеских родов. Н.Яковенко пишет: “Построенная в соответствии с показанным выше способом генеалогическая программа Острожских/Заславских создавала, вне всякого сомнения, фундамент для русской идентичности как паритетной польской, а одновременно целиком явственно “стягивала” пестрые территории Руси-Украины в общее пространство виртуальной власти и “исторических воспоминаний”” [13, с. 254]. Радикальное переосмысление территориального аспекта национальной идентичности в галицком украинском национальном движении состояло в том, что предпосылкой политического единства его деятели начинают рассматривать этническое/культурное единство. Разновидностями его экспликаций были и москвофильство, и создание в Восточной Галичине отдельного государства, что было реализовано в виде ЗУНР. Но главной экспликацией все же стал проект политического единства всех украинских земель.

Польское движение во второй половине XIX века все еще было носителем шляхетского территориального проекта. Лозунг восстановления Речи Посполитой в

границах 1772 года был его выражением. Перед восстанием 1863 года польское движение, создав на территории Российской империи фактически параллельный подпольный государственный организм, продемонстрировало его действенность. Но это было и одной из главных причин поражения этого восстания. Подпольный организм был именно польско-шляхетским. Украинское крестьянство не приняло такое видение территориального единства и отнеслось к повстанцам враждебно. Свидетельством этого стало то, что царское правительство за короткое время набрало из украинских крестьян 312 955 членов сельской стражи, что в несколько раз превышало численность польских повстанцев на Правобережье Украины [11, с. 158].

Польский шляхетский территориальный проект был несовместим и с устремлениями украинского национального движения в Галичине. Столкновение двух территориальных проектов стало одним из могущественных конфликтогенных факторов. Именно польскому национальному движению пришлось долго избавляться от этого территориального комплекса. Фактически только во второй половине XX века, благодаря усилиям Е.Гедройца, удалось осуществить его деконструкцию в польской культуре [14].

И в заключение, об актуальном значении опыта украинского национального движения в Галичине при осмыслении современных межрегиональных отношений в Украине. Административная единица Галичина (Galicja) в империи Габсбургов не была регионом. Пространственная структура этого государственного образования задавалась взаимодействием стран, которые входили в его состав. В процессе же модернизации формировались региональные системы, но в границах соответствующих стран, как пространственные аспекты становления наций. Иногда регионогенез вел к деструкции старых территориальных единиц. Украинское движение и создало программу такого преобразования для Восточной Галичины. Но она была действенной только для украинского населения края. Большинство польского (возможно, и еврейского) населения Галичины пространственно ориентировалось иначе. Это и стало главной причиной перерастания конфликта национальных движений в этнический конфликт.

Абстрагируясь от всей сложности регионогенеза в Восточной Галичине, скажу, что созданные в его процессе ментальные схемы оказались достаточно амбивалентными для современной Украины. Они побуждают во всех процессах регионогенеза, которые происходили в Украине, искать этнические конфликты. Их же отсутствие рассматривается как результат исследовательской слепоты, вызванной влияниями негативных стереотипов. Например, Л.Зашкильняк пишет: “Еще немало украинцев, особенно на Востоке и Юге Украины, остаются в плену созданных в предшествующие периоды стереотипов, склоняясь к особой роли “восточнославянского единства” с Россией во главе и сохраняя значительное недоверие к “враждебному европейскому миру”” [10, с. 109]. Такие формы мышления сами превращаются в опасные стереотипы. В процессе их деконструкции необходимо исходить из региональной гетерогенности Украины. В некоторых регионах Украины (в частности в Донбассе) исторически вообще не сложились национальные движения, которые находились бы в состоянии конфронтации. Это не отрицает того факта, что царское правительство осуществляло в Украине в целом и в Донбассе в частности политику русификации. В исторической литературе описан факт, когда такой деятель украинского движения, как Б.Гринченко, работавший по приглашению семьи Алчевских с 1887-го по 1893 год в Алексеевской школе (нынешняя Луганская область), вынужден был использовать в преподавании украинский язык явочным порядком [14]. Но в региональной жизни Донбасса был выработан иной, нежели в Галичине, общественный проект решения этих проблем. На основе доминирующей этнической коалиции украинцев и русских, которая стала основой этнической структуры региона, сформировалось ценностное согласие жителей, синтетические культурные явления, региональная идентичность, а следовательно, и чувство региональных интересов [16]. Возможно, кому-то мои аргументы покажутся очень похожими на аргументы В.Джедушицкого, о которых гово-

рилось ранее. Но у польского деятеля речь шла о сохранении единства, которое было выгодно прежде всего шляхте. Мои аргументы связаны с существованием органической региональной общности. Войцех Джедушицкий хотел спасти шляхетский проект Речи Посполитой. Я же хочу, чтобы в нашем государстве была выработана такая модель региональной политики, которая способна гармонизировать отношения между регионами и вызвать синергетический эффект в нашем обществе. Через понимание различных региональных проектов, которые существуют в современной Украине, мы сможем совершить деконструкцию конфликтного потенциала, который сейчас присутствует в межрегиональных отношениях, и выработать современный общенациональный проект. Книга Я.Мокляка тем и ценна, что позволяет сделать существенные шаги по этому пути.

Литература

1. *Moklak J.* W walce o tożsamość ukraińców. Zagadnienie języka wykładowego w szkołach ludowych i średnich w pracach galicyjskiego Sejmu Krajowego 1866–1892. — Kraków, 2004.
2. *Кононов И.Ф.* Донбасс и Галичина: межрегиональное взаимодействие и изменения пространственных характеристик украинского общества // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства*. — Харьков, 2005. — С.276–287.
3. *Кононов И.Ф.* Донбасс та Галичина: причини напруженості в стосунках та пошук історичного компромісу // *Стосунки Сходу та Заходу України: минуле, сьогодні та майбутнє: Матеріали Всеукраїнської конференції*. Луганськ, 25–26 травня 2006 р. — Луганськ, 2006. — С. 5–27.
4. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001.
5. *Бурдые П.* Система образования и система мышления // *Социология в аудитории: искусство преподавания*. — Харьков, 2003. — С. 59–72.
6. *Зашкільняк Л.О., Крикун М.Г.* Історія Польщі. Від найдавніших часів до наших днів. — Львів, 2002.
7. *Тихомирова Т.С.* Польский язык. — М., 1978.
8. *Чорний С.М.* Національний склад населення України в ХХ сторіччі: Довідник. — К., 2001.
9. *Яковенко Н.* Польща та поляки в шкільних підручниках історії, або Відлуння давнього й недавнього минулого // *Яковенко Н.* Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. — К., 2002. — С. 366–379.
10. *Зашкільняк Л.О.* Україна між Польщею й Росією: історіографія та суспільна свідомість // *Український історичний журнал*. — 2005. — № 5. — С. 93–113.
11. *Марахов Г.И.* Социально-политическая борьба на Украине в 50–60-е годы XIX века. — К., 1981.
12. *Маркузе Г.* Одномерный человек. — М., 1994.
13. *Яковенко Н.* Топос “з’єднаних народів” у панегіриках князям Острозьким і Заславським (біля витоків української ідентичності) // *Яковенко Н.* Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. — К., 2002. — С. 231–269.
14. *Хрусьлінська І.* Прагматичний візіонер. Центральна-східна європейська стратегія Єжи Гедройця // *Український журнал*. — Прага, 2006. — № 4. — С. 18–21.
15. *Курило В.С., Подов В.И.* Образование в Донбассе (XIX–начало XX вв.). — Луганск, 1999.
16. *Кононов И.Ф.* Донбасс: этнические характеристики региона // *Социология: теория, методы, маркетинг*. — 2003. — № 2. — С. 72–97.